

4. Городские диалекты. URL: <http://forum.lingvo.ru/actualtopics.aspx?bid=26> (дата обращения: 04.02.2015).

5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1981–1982. Т. III.

6. Крюкова И.В. Стилизация имени собственного в художественном и публицистическом тексте // Лингвистика речи. Медиастилистика: кол. монография, посвящ. 80-летию проф. Г.Я. Солганика. М.: Флинта: Наука, 2012. С. 377–386.

7. Леонтович О.А. В мире английских имен: учеб. пособие по лексикологии. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ: Астрель, 2002.

8. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988.

9. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. 2-е изд., испр. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.

10. Языки русских городов: Словарь диалектов русского языка // АБЫУ Linvo Клуб. URL: <http://community.lingvo.ru/goroda/dictionary.asp> (дата обращения: 04.02.2015).

11. Langendonck W. Theory and typology of proper names. N.Y., 2007.

* * *

1. Ahmetova M.V. Zametki o neoficial'noj ruskoj urbanonimii // Vo-prosy onomastiki. 2010. № 2 (9). S. 53–69.

2. Ahmetova M.V. Precedentnye onimy v neoficial'noj ojkonomimii // Voprosy onomastiki. 2013. № 1 (14). S. 41–56.

3. Belikov V.I. Sravnenie Peterburga s Moskvoj i drugie soobrazhenija po social'noj leksikografii // Russkij jazyk segodnja. Vyp. 3. Problemy rus-skoy leksikografii. M.: In-t rus. jaz. RAN, 2004. S. 23–38.

4. Gorodskie dialekty. URL: <http://forum.lingvo.ru/actualtopics.aspx?bid=26> (data obrashhenija: 04.02.2015).

5. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: v 4 t. M.: Rus. jaz., 1981–1982. T. III.

6. Krjukova I.V. Stilizacija imeni sobstvennogo v hudozhestvennom i publicisticheskom tekste // Lingvistika rechi. Mediastilistika: kol. mono-grafija, posvjashh. 80-letiju prof. G.Ja. Solganika. M.: Flinta: Nauka, 2012. S. 377–386.

7. Leontovich O.A. V mire anglijskih imen: ucheb. posobie po leksikologii. 2-e izd., ispr. i dop. M.: AST: Astrel', 2002.

8. Podol'skaja N.V. Slovar' ruskoj onomasticheskoj terminologii / 2-e izd., pererab. i dop. M.: Nauka, 1988.

9. Superanskaja A.V. Obshhaja teorija imeni sobstvennogo. 2-e izd., ispr. M.: Izd-vo LKI, 2007.

10. Jazyki russkih gorodov: Slovar' dialektov russkogo jazyka // АБЫУ Linvo Klub. URL: <http://community.lingvo.ru/goroda/dictionary.asp> (data obrashhe-nija: 04.02.2015).

11. Langendonck W. Theory and typology of proper names. N.Y., 2007.

Stylistic variations of astionyms in the modern urban linguistic culture (by the material of the dictionary “Languages of Russian cities”)

Based on the unofficial names of cities (astionyms) and contexts of their use represented in the electronic dictionary “Languages of Russian cities”, there are revealed the structural and word formative models and the appropriate territorial and socially conditioned stylistic variations of astionyms.

Key words: *astionym, unofficial astionymy, stylistic variation, onomastic synonymy.*

А.А. КУДРЯВЦЕВА
(Волгоград)

ПОЛИСЕМАНТИЧНОСТЬ АПЕЛЛЯТИВИЗИРОВАННОЙ ЕДИНИЦЫ КАК ОДИН ИЗ ПРИЗНАКОВ ЕЕ ВХОЖДЕНИЯ В СИСТЕМУ ЯЗЫКА*

Показаны апеллятивизированные единицы, которые в процессе функционирования приобрели более одного значения, т.е. стали полисемантами. Данное свойство, наряду с регулярной воспроизводимостью в речи, фиксацией в словаре, грамматическим и синтагматическим освоением, является одним из критериев того, что апеллятивизированная единица перестала быть фактом речи и стала фактом языка.

Ключевые слова: *апеллятивизация, интертекстуальность, прономинация, полисемия, синонимия.*

Явление апеллятивизации, т.е. перехода имен собственных (онимов) в разряд имён нарицательных (апеллятивов), является достаточно частотным в русском языке. Данный переход осуществляется на основе стилистического приема прономинации – «замены нарицательного имени собственным (или наоборот), например: *Отелло* вместо *ревнивец*» [4,

* Публикуется в рамках научного проекта № 13-04-00381 «Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов», поддержанного РФФИ.

с. 227]. В результате перехода имен собственных в нарицательные образуются апеллативизированные единицы, которые мы называем прономинантами.

Заметим, что в качестве лексической основы стилистического приема прономинания может выступать не любой оним, а только прецедентное имя [8, с. 224]. Мы считаем обоснованным суждение о том, что использование в тексте прецедентных апеллативизированных единиц является одним из проявлений феномена интертекстуальности [9, с. 117].

Употребление онима в функции апеллатива – явление нередкое. Однако следует различать случаи, когда прономинант уже вошел в лексическую систему языка и когда он еще является фактом речи. В процессе апеллативизации происходят определенные изменения в структуре лексического значения онима. Прономинанты образуются лексико-семантическим способом словообразования, т.е. средствами семообразования, и на первом этапе функционирования они, по нашему мнению, могут быть отнесены к разряду так называемых «семантических окказионализмов», поскольку «семантические окказионализмы – это индивидуальные значения узусальных слов» [14, с. 131], или, говоря точнее, узусальные слова в индивидуальных значениях. Если же прономинант закрепляется речевой практикой, то он становится фактом языка.

Проблеме вхождения новой лексической единицы в систему языка уделялось немало внимания в работах, посвященных заимствованиям и неологизмам (в частности, окказионализмам). Об этом писали А.А. Брагина, Л.П. Крысин, А.В. Кунин, И.Ф. Протченко, Ю.С. Сорокин, Е.К. Чиркова и другие исследователи. Учеными был предложен целый ряд критериев, позволяющих подтвердить факт вхождения слова в язык. Среди этих критериев – регулярная воспроизводимость слова в речи [11, с. 62; 6, с. 38], фиксация хотя бы одним словарем [6, с. 38], грамматическое освоение слова языком [5, с. 35; 11, с. 92; 14, с. 100], синтагматическое освоение слова, т.е. усвоение лексической сочетаемости, свойственной соответствующей микросистеме [1, с. 54], и, наконец, семантическое освоение слова [5, с. 42; 10, с. 93; 11, с. 63; 14, с. 100], которое может выражаться, во-первых, в дифференциации по значению в отношении ближайших синонимов и, во-вторых, в образовании системы производных значений.

Данная статья посвящена апеллативизированным единицам, семантическая структура которых содержит более одного значения, т.е. имеющим лексико-семантические варианты. Как отмечает Д.Н. Шмелёв, «в зависимости от лексического окружения (контекста, ситуации) слово как бы поворачивается разными гранями присущей ему семантики» [15, с. 382]. Перейдём к анализу полисемантических апеллативизированных единиц.

Прономинант *Обломов* зафиксирован нами в значениях 'лентяй' и 'лежебока' (Обломов – необычайно ленивый и безвольный человек, герой одноименного романа И.А. Гончарова). Рассматриваемый прономинант встречается в современной публицистической и разговорной речи.

Данная единица является ярким примером регулирующего влияния внутренней формы. Так, в ряде контекстов при использовании прономинанта *Обломов* на первый план выдвигается тот факт, что герой И.А. Гончарова большую часть жизни проводил лежа на диване. В подобных случаях анализируемую единицу можно заменить синонимом *лежебока*, например: *За 370 суток эксперимента девятерым обломовым позволили встать только два раза и всего на десять минут* (Комс. правда. 1996. 15 окт.; ср.: *девятерым лежебокам позволили встать только два раза и *девятерым лентяям позволили встать только два раза*. Участников эксперимента нельзя назвать лентяями, т.к. они провели 370 суток в лежачем положении во имя науки); *Специально для обломовых! Вы можете заказать все эти книги по телефону, не вставая с дивана. Доставка по Москве в течение суток* (Арт-фонарь. 1996. № 18; ср.: *специально для лежебок*).

В тех случаях, когда прономинант используется при номинации человека, главным качеством которого, как и у героя романа И.А. Гончарова, является лень, его правомерно заменить синонимом *лентяй*, например: *Беда этой женщины в том, что муж ее оказался Обломовым* (Телепередача; семантика прономинанта выявляется из предшествующей речи: женщине пришлось все заботы о доме взять на себя, следовательно, возможна субституция *муж ее оказался лентяем*).

Проведенный анализ показал, что по отношению к словам *лежебока* и *лентяй* рассматриваемый прономинант является стилистическим синонимом, т.к. отличается от них сфе-

рой употребления: слова *лентяй* и *лежебока* имеют межстилевой характер, а прономинант функционирует в публицистической и разговорной речи.

Прономинант *Плюшкин* используется в значениях 'скупец' и 'скопидом' (Плюшкин – отличавшийся необычайной скупостью помещик, персонаж поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»). Данная единица широко представлена в современной публицистической и разговорной речи, в том числе в так называемой «письменной разговорной речи» [3, с. 8], т.е. в интернет-общении.

Приведём примеры использования прономинанта *Плюшкин* в значении 'скупец': *Вот так мы и тесняемся экономить вроде бы на мелочах. Ведь мало кому хочется, чтобы его называли Плюшкиным* (Вечерний Волгоград. 1998. 6 февр.; ср.: *мало кому хочется, чтобы его называли скупцом*); *Плюшкин из Флориды* (Ваша газета. 1996. 5 мая; прономинант употреблен в заголовке газетной статьи, в которой говорится: *этот человек, имея на банковском счету несколько миллионов долларов, ездит на старенькой машине, вещи покупает на распродажах, а еду – в самых дешевых магазинах*).

Более частотны, по нашим наблюдениям, случаи использования данной единицы в значении 'скопидом' – напр.: *тот, кто одержим страстью к накоплению и бережлив до скупости*; они зафиксированы как в современной публицистике, так и в интернет-общении.

Приведём примеры: *Мебельная стенка – это изобретение для плюшкиных* (Комс. правда. 1998. 25 апр.; ср.: *изобретение для скопидомов*; как известно, в мебельную стенку помещается большое количество вещей); *Я Плюшкин, я люблю копить, а не тратить* (Там же. 2007. 11 марта; ср.: *я скопидом, я люблю копить, а не тратить*); *Мои свекры Плюшкины, они хранят какие-то вещи, баночки, коробочки, хотя куча посуды хорошей, у них 4 шкафа, а то, что они носят, можно в один поместить, ковры в два слоя местами* (форум woman.ru, 03.02.2011. URL: <http://www.woman.ru/home/medley9/thread/4036577/>; ср.: *мои свёкры скопидомы, они хранят какие-то вещи, баночки, коробочки*); *У меня маме 68 лет и она всю жизнь была плюшкиным, и вот в прошлом году ее «стукнуло», она много всякого барахла наконец отдала/раздала. Короче, «расхламилась» по максимуму. Я даже не ожидала* (пользователь fiona222 в сообществе flylady_ru, 15.04.2009. URL: http://community.livejournal.com/flylady_ru/239297.html).

[livejournal.com/flylady_ru/239297.html](http://community.livejournal.com/flylady_ru/239297.html); ср.: *она всю жизнь была скопидомом*).

Проведенный анализ показал, что по отношению к словам *скупец* и *скопидом* рассматриваемый прономинант является стилистическим синонимом, т.к. отличается от них сферой употребления: апеллятивы имеют межстилевой характер, а прономинант функционирует в публицистической и разговорной речи.

Прономинант *Фемида* употребляется в значениях 'суд' и 'правосудие' (Фемида – богиня правосудия в древнегреческой мифологии). Данная единица активно используется в публицистике. Чаще всего слово *Фемида* выступает в качестве синонима слова *суд* – «государственный орган, ведающий разрешением гражданских споров и рассмотрением уголовных дел» [13, с. 300]. Приведём примеры: *Токарев вышел оправданным, но постановление суда стало еще более деликатным: осудив невинного Боборыкина, одесская военная Фемида признала теперь виновность Хорольского* (В.Г. Короленко. Черты военного правосудия; ср.: *одесский военный суд признал теперь виновность Хорольского*); *Трех детей, оставшихся в квартире, у нее забрали органы опеки, пока Фемида не вынесет решение* (Комс. правда. 2010. 30 нояб.; ср.: *пока суд не вынесет решение*); В газетной заметке под названием *Челябинский областной суд отказал бывшему мэру Снежинска в условно-досрочном освобождении* говорится: *Как сообщили корреспонденту «Нового Региона» в пресс-службе Челябинского областного суда, областная фемида оставила без изменений решение Копейского городского суда от 20 сентября текущего года* (Нов. регион 2. 2010. 16 нояб.; ср.: *областной суд оставил без изменений решение городского суда*); *У священников в России вводится своя Фемида: выступая на Архиерейском совещании, Патриарх Московский и всея Руси Кирилл вчера призвал священников активизировать работу по формированию в епархиях церковных судов* (Комс. правда. 2010. 3 февр.; ср.: *У священников в России вводится свой суд*; заметка называется *Суд православный на земле*); *Отметим, что жители Европы и США значительно чаще обращаются в суд в связи с некачественным обслуживанием, и при этом практически всегда Фемида оказывается на стороне потребителя* (Труд-7. 2010. 15 марта; ср.: *практически всегда суд оказывается на стороне потребителя*).

Также зафиксированы менее многочисленные случаи использования прономинанта Фемида в значении 'правосудие' – «судебная деятельность государства; юстиция» [12, с. 355]. Приведём примеры: *Пока Ельцин у власти, вряд ли можно рассчитывать на то, что октябрьским событиям 1993 года (как и чеченской войне) крепко «схваченная» Кремлем российская Фемида сумеет дать честную оценку* (В. Баранец. Генштаб без тайн; ср.: *российское правосудие сможет дать честную оценку*); *В 1938 году сталинская Фемида отбросила последние незначительные покровы приличия* (В. Быков, О. Деркач. Книга века; ср.: *сталинское правосудие отбросило последние незначительные покровы приличия*); *Проявившая себя весьма достойно в уотергейтском скандале американская Фемида поднимает свою честь на недостижимую (по крайней мере, для российской юриспруденции) высоту* (Там же; ср.: *американское правосудие поднимает свою честь на недостижимую высоту*).

Проведенный анализ показал, что по отношению к словам *суд* и *правосудие* рассматриваемый прономинант является стилистическим синонимом, т.к. отличается от них сферой употребления: апеллятивы имеют межстилевой характер, а прономинант функционирует в публицистической речи. Семантические различия с соответствующими апеллятивами отсутствуют.

Прономинант *Бахус* употребляется в значениях 'алкоголизм' и 'вино' (Бахус – бог виноделия в древнеримской мифологии). Данная единица встречается как в художественной прозе XIX в., так и в современной публицистике.

Приведём примеры использования прономинанта *Бахус* в качестве синонима слова *алкоголизм*: *Тут подошел Хвостиков с пасмурным лицом, но приметно было, что Бахус положил уже на нем печать свою* (В.Т. Нарезный. Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова; ср.: *алкоголизм положил уже на нем печать свою*, а также устойчивое выражение *печать алкоголизма*); *«Фухуса» лечит от Бахуса* (Комс. правда, 1997. 20 дек.; заголовок статьи, в которой говорится: *Новый лекарственный препарат «Фухуса», позволяющий эффективно лечить алкогольную зависимость, создан недавно вьетнамскими фармакологами*); *Тони Адамс, знаменитый английский боксер, страдает от Бахуса. Недавно ему пришлось пройти трехмесячный курс ре-*

билитации в одной из лучших частных клиник Великобритании (Комс. правда. 1998. 15 мая; ср.: *страдает от алкоголизма*).

Перейдём к рассмотрению контекстов, в которых прономинант *Бахус* употребляется в значении 'вино': *Вы же, воды, прочь теките / И струей, вину враждебной, / Строгих постников поите: / Чистый нам любезен Бахус* (А.С. Пушкин. Мальчику; ср.: *чистое нам любезно вино*); *Друг, все прошло, – ты шепнешь, – но при нас еще дружба и Бахус* (А.А. Дельвиг. Евгению; ср.: *при нас ещё дружба и вино*); *Блестят глаза, когда Бахус гуляет в крови? Это понятно, это всем известная ситуация* (Беседа с музыкантами из рок-группы «Пикник» на радиостанции «Эхо Москвы»; ср.: *вино гуляет в крови*).

Прономинант *Бахус* в обоих лексико-семантических вариантах не имеет семантических различий со словами *алкоголизм* и *вино*; он выступает в функции стилистического синонима, т.к. употребляется только в сфере публицистики и художественной речи, тогда как слова *алкоголизм* и *вино* могут использоваться в любом стиле.

Прономинант *Терпсихора* используется в значениях 'танцовщица' и 'балет' (Терпсихора – муза танца в древнегреческой мифологии). Рассматриваемый прономинант, как отмечают словари, имеет значение 'искусная танцовщица' [7, с. 308]. Вот примеры использования данной единицы в поэзии XIX в.: *Пусть ищут, для кого я в лиру ударял / Когда поэтов в хоре / Российской Терпсихоре / Восторги посвящал* (Д.В. Давыдов. Элегия III; стихотворение посвящено балерине А.И. Ивановой); *Узрю ли русской Терпсихоры / Душой исполненный полет?* (А.С. Пушкин. Евгений Онегин; эти строки посвящены балерине Е.И. Истоминой). Приведенные цитаты подтверждают, на наш взгляд, что прономинант *Терпсихора* содержит различительную содержательную сему 'искусная'.

Нами отмечены также немногочисленные случаи современного употребления прономинанта *Терпсихора*, например: *После рекламы на первом канале русская Терпсихора Анастасия Волочкова присоединится к нам. Оставайтесь с нами!* (Обсуждение новой постановки «Лебединого озера» в Большом театре. Программа «Добрый день» А. Малахова, телеканал ОРТ, 1998). Поскольку А. Волочкова – известная балерина, заслуженная артистка России, то впол-

не правомерно утверждать, что в семантической структуре данного прономинанта присутствует сема 'искусная'.

Синонимы *Терпсихора* и *танцовщица* различаются, во-первых, семантически, поскольку танцовщица может быть как искусной, так и неумелой; а во-вторых, стилистически, поскольку прономинант *Терпсихора* является принадлежностью художественной (поэтической) и публицистической речи, а слово *танцовщица* стилистически не окрашено.

Также в картотеке зафиксирован пример, в котором, на наш взгляд, наблюдается синонимическое сближение прономинанта *Терпсихора* со словом *балет*. Рассмотрим данный контекст: *Когда-то немцы утверждали, что генерал Скобелев происходит из немцев. Теперь то же самое повторяется с нашими балетными артистами. Немцам, очевидно, стало завидно, что русская Терпсихора имеет повсюду в мире такой головокружительный успех, и они сочинили легенду о поголовном иностранном происхождении наших танцовщиц и танцовщиков... Если верить берлинской газете «Local Anzeiger», то Киевская, Преображенская, Павлова, Карсавина, Виль, Фокин, Нижинский, Петипа и др. – все это частью немцы, частью – евреи, частью – французы, поляки, греки и т.д. В итоге, русский балет является самым что ни на есть интернациональным... Если допустить, что немецкая газета говорит правду, то что же это все таки доказывает? Доказывает ли это то, что победами нашего балета должны гордиться не мы, а немцы, французы, поляки и т.д.? Едва ли. Дело не в происхождении, а в почве, на которой выросли наши выдающиеся жрицы Терпсихоры. Ведь в Берлине и Париже тоже имеют свой балет и, однако, его не зовут ни в Америку, ни в Англию, никуда... (Петербургская газета. 1912. 18 февр.; цит. по: Проект «Газетные старости». URL: <http://сокуренок.рф/article.php?id=30662>; ср.: *русский балет имеет повсюду в мире такой головокружительный успех*). В данном случае синонимы *Терпсихора* и *балет* различаются стилистически, так, прономинант *Терпсихора* является принадлежностью публицистической речи, а слово *балет* стилистически не окрашено.*

Проведённый анализ позволяет утверждать, что ряд апеллативизированных единиц

в процессе функционирования приобретают более одного значения, т.е. становятся полисемантами. Данное свойство, наряду с регулярной воспроизводимостью в речи, фиксацией в словаре, грамматическим и синтагматическим освоением, является одним из критериев того, что апеллативизированная единица перестала быть фактом речи и стала фактом языка.

Список литературы

1. Андреева А.А. Пронимация как источник синонимии в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
2. Брагина А.А. Неологизмы в русском языке. М.: Просвещение, 1973.
3. Валиахметова Д.Р. Письменная разговорная речь в контексте особенностей интернет-дискурса // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф. (Казань, 11–13 дек. 2001 г.): труды и материалы: в 2 т. / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. Т. 2. С. 7–9.
4. Квятковский А.П. Поэтический словарь. М.: Сов. энцикл., 1966.
5. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968.
6. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высш. шк., 1996.
7. Макаров В.И., Матвеева Н.П. От Ромула до наших дней: Словарь лексических трудностей художественной литературы. М.: Былина, 1993.
8. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частные классификации: Терминологический словарь. М.: ЛЕНАНД, 2006.
9. Москвин В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили: монография. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2011.
10. Протченко И.Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. М.: Наука, 1975.
11. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30–90-е годы 19-го века. М.–Л.: Наука, 1965.
12. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингв. исследований. 4-е изд., стер. Т. 3. П–Р. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999.
13. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингв. исследований. 4-е изд., стер. Т. 4. С–Я. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999.
14. Чиркова Е.К. Типы окказиональных слов в языке газеты // Язык и общество. Саратов, 1974. С. 129–144.
15. Шмелёв Д.Н. Полисемия // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл. 1990. С. 382.

* * *

1. Andreeva A.A. Pronominacija kak istochnik sinonimii v sovremennom russkom jazyke: dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 1999.
2. Bragina A.A. Neologizmy v russkom jazyke. M.: Prosveshhenie, 1973.
3. Valiahmetova D.R. Pis'mennaja razgovornaja rech' v kontekste osobennostej internet-diskursa // Bodujenovskie chtenija: Bodujen de Kurtenje i sovremennaja lingvistika: Mezhdunar. nauch. konf. (Kazan', 11–13 dek. 2001 g.): trudy i materialy: v 2 t. / pod obshh. red. K.R. Galiullina, G.A. Nikolaeva. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2001. T. 2. S. 7–9.
4. Kvjatkovskij A.P. Pojeticheskij slovar'. M.: Sov. jencikl., 1966.
5. Krysin L.P. Inozazychnye slova v sovremennom russkom jazyke. M.: Nauka, 1968.
6. Kunin A.V. Kurs frazeologii sovremenogo anglijskogo jazyka. M.: Vyssh. shk., 1996.
7. Makarov V.I., Matveeva N.P. Ot Romula do nashih dnei: Slovar' leksicheskikh trudnostej hudozhestvennoj literatury. M.: Bylina, 1993.
8. Moskvina V.P. Vyrzitel'nye sredstva sovremennoj russkoj rechi: Tropy i figury. Obshhaja i chastnye klassifikacii: Terminologicheskij slovar'. M.: LENAND, 2006.
9. Moskvina V.P. Intertekstual'nost': Ponjatijnyj apparat. Figury, zhanry, stili: monografija. M.: Kn. dom «LIBROKOM», 2011.
10. Protchenko I.F. Leksika i slovoobrazovanie russkogo jazyka sovetskoj jepohi. M.: Nauka, 1975.
11. Sorokin Ju.S. Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo jazyka v 30–90-e gody 19-go veka. M.–L.: Nauka, 1965.
12. Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. / RAN, In-t lingv. issledovanij. 4-e izd., ster. T. 3. P–R. M.: Rus. jaz.: Poligrafresursy, 1999.
13. Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. / RAN, In-t lingv. issledovanij. 4-e izd., ster. T. 4. S–Ja. M.: Rus. jaz.: Poligrafresursy, 1999.
14. Chirkova E.K. Tipy okkazional'nyh slov v jazyke gazety // Jazyk i obshhestvo. Saratov, 1974. S. 129–144.
15. Shmel'jov D.N. Polisemija // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. M.: Sov. jencikl. 1990. S. 382.

Polysemy of the appellative unit as one of the signs of its implementation into the language system

There are considered the appellative units that acquired more than one meaning in the process of functioning, so became polysemantic. Along with the regular ability to be reproduced in speech, to be fixed in dictionary, grammatical and syntagmatic forms, this feature is one of the criteria that the appellative unit is not the fact of speech but the fact of language now.

Key words: *appellativization, intertextuality, pronomination, polysemy, synonymy.*

Т.П. АКИМОВА
(*Волгоград*)

**СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ
МЕТАФОР И СРАВНЕНИЙ
В ПИСАТЕЛЬСКОМ ЭПИСТОЛЯРИИ
XIX–XX вв. (на материале
единиц, обозначающих
литературный труд)**

Анализируются особенности функционирования метафор и сравнений в писательском эпистолярии XIX–XX вв., дана их тематическая классификация. Выявлены закономерности употребления данных тропов, имеющие сходство с их использованием в разговорной речи. Показаны авторские предпочтения в выборе тропов, относящихся к той или иной тематической группе, позволяющие охарактеризовать эпистолярный идиостиль писателя.

Ключевые слова: *идиостиль, разговорная речь, метафора, сравнение, эпистолярный текст.*

Внимание современных лингвистов направлено на изучение «человеческого фактора» в языке, который проявляется, в частности, в языковых механизмах экспрессивности и репрезентируется в речи посредством экспрессивных лексических единиц. На риторическом уровне реализации дискурса языковая экспрессия представлена тропами и фигурами речи.

Общеизвестно, что образно-тропеические особенности текста во многом обусловлены его жанрово-стилевой принадлежностью. В частности, разнообразием изобразительно-выразительных средств характеризуются художественные и публицистические произведения [3, с. 166]. В текстах, относящихся к иным стилям, тропы и фигуры речи встречаются значительно реже. Тем не менее для каждого стиля и жанра существуют свои закономерности их употребления, выявление которых представляется весьма актуальной задачей.

Объектом данного исследования является неофициальное письмо, которое, по сложившейся лингвистической традиции, считается разновидностью разговорного стиля [4]. Разговорная речь подчиняется следующим основным принципам: свобода выбора средств выражения, экономия речевых усилий и преобладание субъективной оценки над объективной. Данные принципы обуславливают специфиче-